

(Трудно) проникнуться тканью жизни в таком месте, как Уиллоубрук. Этот чудовищный, скрытый от глаз город, эта мрачная адская среда, в которой обитали восемь тысяч душ пациентов и сотрудников... город, находившийся «под землей», совершенно вне поля зрения общественности, совершенно закрытый, которому отчаянно не хватало персонала и финансов. По сути дела, здесь исчезали всякие границы и начиналось максимальное насилие над людьми...

Я утверждаю, что это место было концентрационным лагерем, где преступления против человечности совершались в каждом углу, в каждой закутке и в каждой щели.

Доктор Уильям Бронстон.

*История и социология
государственной школы Уиллоубрук*

Лишь попав в палаты, где царят гвалт и вонь, и увидев страдания, рвоту, деформацию и крики, они внезапно и неизбежно понимают, что это тяжкие последствия не ущербности, а самого Уиллоубрука. Это Уиллоубрук — преступник.

Доктор Уильям Бронстон.

*Свидетельство в Объединенном законодательном
комитете штата Нью-Йорк по делам умственно
и физически неполноценных. 17 февраля 1972 года*

Глава первая

Стейтен-Айленд, автобусная станция

Декабрь 1971 года

Люди до сих пор ищут в лесу останки пропавших детей.

Шестнадцатилетняя Сейдж Уинтерз трясущимися пальцами сгрэбла автобусные жетоны и отошла от окошка станции; в голове, словно жуткий детский стишок, назойливо крутились слова подруг. Она не впервые слышала такое предупреждение: любой житель Стейтен-Айленда¹ знал, что, входя в лес, нужно хорошенько глядеть на землю; но чем больше она думала о словах, сказанных прошлой ночью Хэзер и Дон, тем больше злилась: вместо того чтобы как-то утешить ее, наболтали всяких ужасов. Могли бы помочь выяснить, что случилось с Розмари, но нет: принялись ворошить старые слухи о сатанинских ритуалах, которые якобы проводятся под заброшенным туберкулезным санаторием. Ну, выпили, понятное дело, и в глубине души они, наверное, тоже были испуганы, но тут дело было серьезное. Ее сестра-близнец пропала. Но это не означает, что она мертва. Это не означает, что знакомая с детства городская

¹ Один из пяти округов Нью-Йорка, наиболее территориально удаленный и наименее населенный. На Стейтен-Айленде с 1947 года находилась городская свалка, которая закрылась лишь в 2001 году. — *Здесь и далее примеч. пер.*

легенда правдива. Кропси² — просто страшилка; родители пугают им детей, чтобы те слушались и не уходили далеко от дома. А Розмари живет в государственной школе Уиллоубрук — она не разгуливает по улицам, где ее может подкараулить чокнутый убийца.

Врачи, медсестры и учителя заботятся о ней, следят за тем, чтобы ее кормили как полагается, защищают, содержат в чистоте и обучают основным навыкам. По крайней мере, так сказал ей вчера вечером Алан, их отчим, когда наконец признал, что Розмари жива.

Поежившись при воспоминании о том, каким образом ей удалось узнать правду о сестре, Сейдж сунула жетоны в карман куртки и порылась в сумке в поисках пачки «Кулз». Курить хотелось до смерти — она прямо чувствовала вкус сигареты во рту. И вкус пепси, кстати, тоже, но треклятый автомат с газировкой накрылся. Вдобавок ко всему прочему ее мучило дикое похмелье. Голова раскалывалась, язык был как наждачная бумага, мысли путались в густом тумане. Из-за мерзкого самочувствия она дергалась еще больше, но винить, кроме самой себя, было некого. Ведь вот идиотка: решила, что шесть коктейлей с амаретто и десять рюмок мятного шнапса — лучший способ справиться с шоком от известия о том, что Розмари содержится в психиатрической клинике. Ну точно, идиотка.

Все еще копаясь в сумке в поисках сигарет, она направилась к выходу через грязный зал ожидания, торопливо миновав ряды голубых пластиковых стульев. По такой погоде, вероятно, было бы разумнее покурить в здании вокзала, но там воняло, как в писсуаре, и ей не хотелось пропустить автобус

² Персонаж городской легенды Нью-Йорка, похититель и убийца детей.

до Уиллоубрука. Чем быстрее она сядет в него, тем меньше шансов передумать.

Что-то постоянно цеплялось за ее кольцо настроения³, мешая рыться в сумке. Она остановилась. Уж не паленое ли это удостоверение личности, которое она, выметаясь из бара вчера вечером, забыла сунуть в бумажник? Вытащив руку, она разглядела находку и ругнулась про себя. Пустой пакетик от презерватива зацепился за камешек кольца и теперь свисал с руки, как рекламный плакат. Отцепив пакетик, Сейдж подошла к урне и швырнула его в мусор. Все еще чертыхаясь, она вытащила из сумочки остатки шестизарядной упаковки презервативов и тоже выбросила; наплевать, пусть все видят. Она знает только одно: ее следующий дружок будет настоящим мужиком из тех, что сами запасаются долбаными резинками. При мысли о Ное у нее защипало глаза. Не застукай она недавно, как он обжимался с этой сучкой Иветт, мог бы поехать сейчас с ней в Уиллоубрук. А вместо этого он наверняка еще валяется в койке, наслаждаясь последними днями рождественских каникул и мечтая о встрече с ней. Что ж, будет ему сюрпризик. Она подсунула Ною под дверь записку, в которой велела никогда больше не звонить. Потому что не будет она мириться с тем, что ее парень бегаёт на сторону. И неважно, что они с Иветт «всего лишь» целовались: измена есть измена. И к тому же она сто лет назад поклялась, что и минуты своей жизни не потратит на человека вроде собственной покойной матери, которая только так гуляла от ее отца. Разбитое сердце — не оправдание.

³ Модное в США 1970-х кольцо с термочувствительным элементом, цвет которого меняется в зависимости от температуры пальца.

При мысли о матери Сейдж поджала губы. Старая боль. Прежде она верила, будто ее родители настолько без ума друг от друга, что все остальное им до лампочки. В старших классах отец был звездой баскетбольной команды, а мать — капитаном группы поддержки; они поженились сразу после окончания школы. Предполагалось, что этот брак — навсегда. Сейдж и Розмари тоже думали, что навсегда, — пока впервые не увидели ссору. Тогда мать в первый раз бросила в отца бокал с мартини. В первый раз велела ему убираться. И в последний.

Розмари не понимала, почему родители постоянно ссорятся, но это изменило ее, и не к лучшему. Сейдж, напротив, знала, что у мамы и папы проблемы, решить которые она не может, и потому старалась игнорировать склоки. Поначалу, осознав, что мать пьет каждый день, Сейдж решила, что у отца связь на стороне, и возненавидела его за это. А потом узнала правду.

Обманщики — те, кто кричит и вопит, те, кто пытается переложить вину на другого. Словно это отец был виноват в том, что мать лжет, будто засиживается на работе, а сама в это время трахается с боссом. Как будто отец разрушил брак ее начальника заодно со своим. Что бы отец ни делал, как бы он ни старался, он никогда не был достаточно хорош для матери. Он мало любил ее, мало перед ней юлил, — всего, что он делал, было мало. За исключением того, что именно он каждое утро приносил ей кофе в постель и каждый вечер готовил ужин. Именно он отводил Сейдж и Розмари в садик и следил за тем, чтобы у них была чистая одежда. Именно он украшал дом к Рождеству и каждый год покупал самую большую елку, какую только мог найти, потому что это был любимый праздник их матери. Никто и никогда не заботился о матери Сейдж так, как папа. И у нее никогда не было причин не доверять ему.

Впрочем, у Сейдж никогда не было причин не доверять и Ною. Девчонки толпами увивались за ним в надежде привлечь его внимание, но ни на одну из них он толком не глядел. Хэзер и Дон вечно приставали к ней с вопросом, доверяет ли она ему, но Сейдж знала, как сильно он ее любит, — по крайней мере, думала, что знает. Она не раз видела, как другие парни развлекаются с разными девчонками, как льется рекой виски и пиво, как передаются по кругу косяки. А вот Ной всегда был с ней и только посмеивался над похождениями друзей. Она и не думала, что он станет обманывать ее. За весь год, что они были вместе, не появлялось ни записок в его шкафчике, ни пятнышка помады на шее, ни сплетен о том, что он хотя бы посмотрел на другую. До сих пор.

Она снова ругнула его про себя и сдержала слезы, не желая реветь из-за парня. Есть заботы поважнее. Выбросив Ноя из головы, она поплелась к выходу. Не стоит он того, чтобы о нем думали. По крайней мере, так сказала ее голова. Хэзер и Дон тоже не заслуживали раздумий. Сперва ей было неловко, что она ушла вчера вечером, бросив подруг в баре и не заплатив за свою выпивку, но теперь она радовалась, что ушла. Скорбь о сестре, потерянной шесть лет назад, — ужасная, невыносимая сердечная тоска, не оставлявшая ее по сей день, — не предмет для шуток. Ведь девчонки знали, что известие о смерти Розмари разделило ее жизнь надвое: до и после. И это не мистификация в попытке добиться внимания.

Дон и Хэзер до сих пор подшучивали насчет ее ненависти к спиритическим доскам; еще Сейдж так боялась крови, что грянулась в обморок, когда они пытались проколоть ей уши с помощью портновской иголки и кусочка льда. Поэтому ничего удивительного, что обе начали смаковать слухи о Кропси и его чудовищных преступлениях, когда Сейдж сказала им, что

сестра жива, но пропала. И даже с этим можно было бы примириться, вот только подружки не заткнулись даже после того, как она стала умолять их замолчать.

Теперь, приблизившись к двустворчатым дверям автобусной станции, она замедлила шаг. Информационный стенд у двери был облеплен объявлениями «требуется на работу», визитными карточками и множеством листовок о пропавших детях: ряды невинных улыбающихся лиц, выстроившихся в ряд, как выцветшие фотографии в школьном альбоме. Она всегда ненавидела эти листовки: слова «ПРОПАЛ РЕБЕНОК», бьющие в лоб заглавными буквами; зернистые фотографии, сделанные в лучшие дни, еще до похищения, когда дети находились в блаженном неведении о том, что однажды их украдут из семьи. Листовки были расклеены по всему Стейтен-Айленду: внутри продуктовых магазинов и почтовых отделений, снаружи на кегельбанах и кинотеатрах, почтовых ящиках и телефонных столбах. Что-то холодное и твердое сжалось у Сейдж в груди. Неужели лицо ее сестры тоже появится в такой вот жуткой листовке? И где все эти бедные невинные дети, какие ужасы перенесли? Они умерли или все еще мучаются? Плачущие, перепуганные, не понимающие, почему родители — те, кто обещал всегда любить и защищать их, — до сих пор их не спасли? Невозможно представить себе более страшной участи.

Ничего удивительного, говорили люди, что на Стейтен-Айленде пропадает так много детей. В конце концов, сюда ведь свозят отходы со всего Нью-Йорка, поэтому типу вроде Кропси проще простого прятать тела на острове. Свалка тут образовалась еще в 1800-х, когда город тысячами свозил на Стейтен-Айленд людей с заразными болезнями: горемык с тропической лихорадкой, тифом, холерой и черной оспой. Потом

туберкулезных больных стали отправлять в больницу Сивью; нищих, слепых, глухих, калек и выживших из ума стариков — в богадельню Фарм-Колони, а слабоумных — в государственную школу Уиллоубрук. Гангстеры избавлялись от трупов в лесах и на болотах. Власти сбрасывали тонны мусора на полигон Фреш-Киллз, который когда-то был приливной топью, изобиловавшей растениями, лягушками и рыбой, а теперь кишел крысами и одичавшими собаками. Может быть, копам стоит поискать пропавших детей там.

В этот момент в помещение станции вошла женщина в клетчатом пальто, принеся с собой порыв холодного воздуха, который промчался по залу ожидания и словно призрачной рукой взметнул листовки. Женщина торопливо прошла в зал, пихнув Сейдж в плечо, и направилась дальше, даже не извинившись.

Возвращенная таким образом к действительности, Сейдж отвернулась от листовок, с размаху толкнула дверь станции и вышла на улицу, в тусклый зимний свет. Зажгла сигарету, глубоко затянулась. Хэзер и Дон были правы насчет Ноя. А вдруг они были правы и насчет Кропси? Вдруг он действительно похитил Розмари? Сейдж сделала еще одну длинную затяжку и пошла по тротуару, уговаривая себя прекратить маяться дурью. Никакие беглые психи с крюком вместо руки или отточенным топором не охотятся на детей и не утаскивают их в лабиринты под развалинами старой туберкулезной больницы, чтобы принести в жертву Сатане. Просто всегда легче поверить в страшилище, чем признать, что в мире столько скверных людей.

Но если Алан не врал и Розмари последние шесть лет жила в Уиллоубруке, в безопасности, окруженная заботой, почему она пропала? Как ей удалось улизнуть от врачей и санитаров, которые должны были присматривать за ней? Неужели Сейдж обнаружила, что сестра все еще жива, только для того, чтобы